

ческих выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

4. Ройзензон Л.И., Абрамец И.В. О фразеологической контаминации в русском языке // Рус-

ский язык в школе. – 1969. – № 3. – С. 104–107.

5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 2-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.

Т.Б. Колышкина

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Преамбула. *Объектом нашего исследования стало соотношение понятий «текст», «дискурс» на современном этапе. Понимание особенностей данных феноменов можно представить путем их описания, а также показать ряд аспектов, точек зрения, на основе которых могут рассматриваться, анализироваться эти явления. Предметом исследования стали модели анализа текста, дискурса. Конечный итог нашей работы мы представляем как разработку модели лингвистического анализа, применимой к анализируемым понятиям.*

Категории текста

Текст – это сложное, целостное языковое образование, созданное и функционирующее по определенным законам, отличающееся многоуровневой организацией. В лингвистике текст определяется по-разному. Одни ученые подчеркивают его знаковую природу [19, с. 12], другие рассматривают текст как основную единицу семантики [20, р. 160], как произведение речетворческого процесса [3, с. 18], как продукт речепроизводства, имеющий определенную законченность и зафиксированную форму [8; 5]. Нужно отметить, что большинство определений отражает ряд существенных признаков текста и носит комплексный характер.

Среди теорий, трактующих онтологический статус текста, выделяется концепция И.Р. Гальперина. Отличительная черта этого подхода – ориентация на письменную форму речи, упорядоченную форму коммуникации. Как считает лингвист, текст лишь имплицитно рассчитан на слуховое восприятие, он не только линейен, но и стабилен. Подобной точки зрения придерживается З.Я. Тураева. По ее мнению, если устную речь отличает линейность, то текст – многомерность, т.к. возможно многократное возвращение к любому его участку [17, с. 11]. Такой взгляд на проблему совпадает с позицией Т. ван Дейка. Однако ученый оценивает текст с точки зрения теории коммуникации и в своем определении расширяет понятие: «Текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени, он представляет собой абстрактный ментальный конструкт, реализующийся в дискурсе» [цит. по: 18, с. 11]. Приведенная точка зрения подтверждает необходимость

подхода к изучению текста в реальной коммуникации.

Большинство определений текста строится по принципу выявления и осмысления его признаков или категорий. Так, например, И.Р. Гальперин в рамках своей концепции выделяет следующие категории текста: информативность, когезия (сцепление), континуум (логическая последовательность), основанная на темпоральности и / или пространственной взаимосвязи отдельных сообщений, членимость, автосемантия (относительная самостоятельность, независимость фрагментов текста), ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция, завершенность [3, с. 11]. А.И. Новиков в качестве признаков текста отмечает развернутость, последовательность, связность, законченность, глубинную перспективу, статику и динамику [14, с. 13].

Исследователи, чья работа шла в русле прагматического направления, для выявления компонентов семантической структуры включили текст в рамки более широкой системы – элементарной коммуникативной цепочки «автор – текст – реципиент», трактуемой как «квант» коммуникации, дальнейшее членение которого невозможно без потери качества [6, с. 5]. Для сравнения в дискурсе порождение речи рекурсивно, т.е. состоит из циклов, включающих такие подзадачи, как добавление, удаление и переупорядочивание [10, с. 134]. Применительно к текстам коммуникация представлена как процесс воздействия, процесс продуцирования сообщений и передача их адресатам. Такая модель коммуникации называется линейной [13, с. 36–37]. Нужно заметить, что информация в этой модели идет в одном направлении: «адресант → текст → адресат».

Приведенные точки зрения свидетельствуют о том, что набор выделяемых текстообразующих категорий у исследователей оказывается различным. Несмотря на это, можно отметить общие положения, характерные для современных лингвистических концепций. Универсальными характеристиками текста большинство специалистов считают связность (план выражения) и целостность (план содержания). Эти свойства предполагают связь, объединение текстовых элементов в одно целое, затрагивая разные стороны организации речевого произведения.

Связность рассматривается чаще всего как совокупность языковых средств, представляющих внешнюю структуру текста. Она заключается в сцеплении элементов текста между собой, причем не только следующих непосредственно друг за другом, но и расположенных дистантно. Выделяют связность семантическую (имплицитную) и формальную (эксплицитную). Семантическая связность осуществляется на основе общего содержания фраз, без внешне выраженных средств связности. Она восстанавливается по тому, что описываемые объекты находятся рядом в пространстве благодаря наличию общих пресуппозиций – знаний о предмете речи. Формальная связность выражена в языке, основана на наличии элементов связности в поверхностной структуре текста.

Целостность предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста (тематическое, концептуальное, модальное). Целостность ориентирована на смысл, на способность текста выражать информацию об исследуемом предмете, представлять его полную характеристику, отражать определенную точку зрения.

Анализ лингвистической литературы позволяет отметить динамику понятия «целостность». Первоначально целостность рассматривали как грамматическую категорию, которая осуществляется с помощью грамматических средств [3]. Регулярная повторяемость ключевых слов, тождество референции, ситуативные связи – всё это обеспечивает единство темы текста. Ключевые слова, становясь доминантными обозначениями, создают вокруг себя единый смысловой контекст [2, с. 60]. Целостность текста обеспечивается также денотативным пространством и конкретной ситуацией его восприятия.

По мнению О.И. Москальской, целостность текста проявляется одновременно в виде струк-

турной, смысловой и коммуникативной целостности. Под структурной целостностью она понимает многочисленные внешние сигналы связи между предложениями. Смысловая целостность заключается в единстве темы текста (микротемы, макротемы, темы всего речевого произведения), коммуникативная целостность проявляется в том, что каждое последующее предложение опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание вперед от данного к новому. Тем самым подчеркивается связь между формой (текст как органическая, взаимосвязанная последовательность языковых знаков), содержанием (текст как единое целое) и функцией (текст как цельное образование, обладающее отчетливой коммуникативной функцией).

Можно сделать вывод, что целостность текста ведет к его содержательной и коммуникативной организации, а связность к структурной организации и форме. На основании положений изложенных выше мы выделяем следующие текстовые категории: структурную связность, смысловую (единство темы) и коммуникативную целостность.

Категории дискурса

В ранних исследованиях, как отмечает В.Н. Степанов, наблюдается недифференцированный подход к тексту, дальнейшее увеличение объема понятия «текст» расширило сферу лингвистики и позволило выделить новую единицу языкового анализа – *дискурс*, в состав которого текст вошел на правах составляющей [16, с. 19].

Несмотря на общие свойства, данные понятия обладают отличительными особенностями. В лингвистике разграничение терминов «текст» и «дискурс» ведется по разным основаниям. Текст рассматривают как единицу дискурса [7], сопоставляют эти понятия как статическое и динамическое [5], как письменную и устную форму речи [2]. Дискурс предстает как явление действительностное, процессуальное, связанное с речепроизводством [8], он ассоциируется со звучащей, устной речью, которая, спонтанна, ненормативна, эллиптическая, диалогична.

В одних определениях указывается какое-то ведущее свойство дискурса, в других – его комплексный характер. Так, например, Г.А. Орлов предлагает рассматривать дискурс как категорию естественной речи, реализуемую в виде устного или письменного речевого произведения, отно-

сительно завершенного в смысловом и структурном отношении [15, с. 14].

Культурно-ситуативное понимание дискурса раскрывается у Н.Д. Арутюновой, у нее это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [11, с. 136]. Таким образом, дискурс обладает актуальностью, реальностью, событийностью, прикрепленностью ко времени и действительности.

Типичная для дискурса «интерактивная» модель коммуникации подчеркивает взаимное воздействие партнеров друг на друга и имеет следующий вид: «адресант ↔ дискурс ↔ адресат» [13]. Можно сказать, что дискурс всегда действие, влекущее за собой ответную реакцию. В отличие от текста коммуникация носит нелинейный характер.

Размышляя о дискретности дискурса, некоторые ученые (Макаров 2003, Шейгал 2003) отмечают его двойственную структуру. Так, Е.И. Шейгал пишет: «...завершенность присуща тексту, но не дискурсу, <...> дискурс принципиально континуален, не имеет временных границ начала и конца – невозможно определить, когда закончился один дискурс и начался другой» [18, с. 10]. Эта мысль свидетельствует о том, что автор не сводит дискурс к отдельным коммуникативным событиям. Но если говорить о членности, дискурс дискретен, единицами его членения являются коммуникативный ход, реплика, обмен, транзакция [12].

На знаковую природу дискурса указывает в своей монографии Е.И. Шейгал: «Дискурс – это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [18, с. 13]. Это утверждение лингвиста позволяет сделать вывод, что дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, что свидетельствует о его поликодовом характере.

Поликодовый характер, прикрепленность ко времени и действительности позволяет говорить о таком экстралингвистическом факторе дискурса, как контекст. На него как на отличительную черту указывает ряд исследователей (Т. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал). Понятие «прагматический контекст» впервые употребляет Т. ван Дейк. Ученый отмечает его как обязательное условие правильной интерпретации дискурсивной информации. Схема такого прагматического понимания отражает «исходный контекст коммуникации, то есть положение дел, которое потом, при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [4, с. 21]. Дальнейший анализ прагматического контекста предполагает «учет таких социальных категорий, как позиции (например, роли, статусы), свойства (например, пол, возраст), отношения (например, превосходство, авторитет), функции (например, отец, слуга, судья), а также внутренней структуры говорящего: его знаний, мнений, потребностей, желаний, отношений, установок, чувств, эмоций как на уровне отдельного индивида, так и на более общем уровне с учетом норм и ценностей, которых говорящий придерживается в других ситуациях [4, с. 23–25]. Названные характеристики социального контекста и характеристики их участников (психологический контекст) определяют возможное взаимодействие. Как замечает Е.С. Кубрякова: «при исследовании дискурса важен <...> весь набор прагматических факторов, с точки зрения которых это событие может быть охарактеризовано» [9, с. 10]. Ср.: на материале текстового анализа при отражении действительности другие исследователи рассматривают категории затекста и подтекста. По мнению В.П. Белянина, «затекст присутствует неявно как отсылка к реальным событиям или явлениям». Другая категория – подтекст, скрытая информация, извлекается из текста «благодаря ассоциативности его единиц и их способности к приращению смыслов» [1, с. 68].

Ранее мы рассматривали текст как комплекс высказываний, связанных друг с другом на основе категорий текстуальности. При выявлении категорий дискурса мы учитываем называемые многими исследователями признаки: когезию, когерентность, интенциональность, интерпретируемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность. И в качестве основных выделяем дискурсивные категории связности и целостности.

Таблица

Категории текста и дискурса

Основания для сопоставления	Текст	Дискурс
Онтологический статус	Текст – результат (продукт) речи	Дискурс – процесс
Форма коммуникации	Письменный / устный	Устный / письменный
Способ коммуникации	Линейность / многомерность	Дискретность / континуальность
Схема коммуникации	Адресант → Текст → Адресат	Адресант ↔ Дискурс ↔ Адресат
Модель коммуникации	Линейная	Интерактивная
Категории	Структурная связность Смысловая целостность Коммуникационная целостность	Структурная связность Смысловая целостность Коммуникационная целостность
Контекст	Затекст Подтекст	Прагматический контекст Социальный контекст Психологический контекст

Связность в дискурсе понимается как передача информации о данной ситуации (объекте, субъекте, явлении и т.д.). На связность дискурса как одну из важнейших черт указывает М.Л. Макаров: «Дискурс обладает качеством самоорганизации: и для письменных текстов, и для устной речи вполне нормальным оказывается взгляд со стороны – метакоммуникативные акты, т.е. дискурс по поводу самого дискурса, коммуникативные ходы, комментирующие, ориентирующие и меняющие ход общения» Это, по мнению ученого, «доказывает наличие организации на дискурсивном уровне» [12, с. 176]. Различные способы связности в дискурсе (интонационно-ритмический, логический, семантический, формально-грамматический) взаимодействуют друг с другом и изучаются в лингвистике текста и теории дискурса комплексно.

Целостность дискурса шире связности, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса как локальной, так и глобальной. М.Л. Макаров обращает внимание на такую важную категорию, как тематическая целостность, которая понимается учеными как тематическое единство и указывает, что этот тип целостности формируется вокруг глобальной темы дискурса или темы говорящего [12, с. 195].

Описанные нами положения отражены в таблице.

Итак, мы рассмотрели понятия «текст» и «дискурс» как смежные и эволюционирующие. Наблюдения мы отразили в таблице, где приводим характеристики текста и дискурса, с той или иной

регулярностью отмечающиеся разными исследователями. Основаниями для сопоставления стали следующие категории: онтологический статус текста и дискурса (продукт, процесс), форма коммуникации (письменная, устная), способ коммуникации (линейность, дискретность), схемы коммуникации, модели коммуникации (линейная, интерактивная). Сквозной для анализируемых понятий стали категории структурного, смыслового и коммуникативного единства. Понятие контекст, учитывающееся при анализе текста, получило особый импульс и новое наполнение в исследованиях по дискурсу. Выявленные в ходе анализа категории мы рассматриваем как модель лингвистического анализа, применимую к понятиям текста и дискурса.

Библиографический список

1. *Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. Изд. 2-е, испр. и доп., – М.: ЧеРо, 2000. – 128 с.
2. *Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 134 с.
4. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 311 с.
5. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 284 с.
6. *Каменская О.Л.* Компоненты семантической структуры текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1988. – 48 с.
7. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

8. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Материалы научной конференции «Категоризация мира: пространство и время». – М., 1997. – С. 15–25.

9. Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. – Тамбов, 2001. – Ч. 1. – С. 8–11.

10. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.А. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

11. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 686 с.

12. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

13. Матвеев О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование // Сибирь. Философия. Образование: Альманах. –

Вып. 6 – Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2002. – С. 36–47.

14. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 215 с.

15. Орлов Г.А. Современная английская речь. – М., 1991. – 240 с.

16. Степанов В.Н. О понятии «Дискурс» // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологи. – Ярославль, 2002. – С. 15–31.

17. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М., 1986. – 127 с.

18. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

19. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen, 1973. – 256 s.

20. Halliday M.A. Language Structures and Language Functions // J. Lyons (ed.) New Horizons in Linguistics. – Harmondsworth, 1970.

А.В. Красушкина

ВЕЩЬ VS ЧЕЛОВЕК В ОЧЕРКЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ШАРМАНЩИКИ» Д.В. ГРИГОРОВИЧА

Очерк Д.В. Григоровича «Петербургские шарманщики», вошедший в первую часть сборника «Физиология Петербурга», традиционно рассматривается как произведение, представляющее натуральную школу: именно им иллюстрируются словарные определения «физиологического очерка», «дагерротипа», «натуральной школы» и т.п. Действительно, в «Петербургских шарманщиках» Григорович изображает фактографические подробности «жизни городских низов» [5, с. 951], характеризует «типы и быт тружеников, деклассированного люда столицы» [6, с. 135]. Бесспорно также, что в соответствии с законами физиологии, автор стремится к «научности» изложения и поэтому не только делит уличных музыкантов на разряды, но и скрупулезно прослеживает жизненный путь представителей каждого разряда [8, с. 6]. В этой связи показательно, что современные исследователи театра Петрушки обращаются к «Петербургским шарманщикам» как к одному из немногих существующих достоверных свидетельств функционирования народной комедии кукол, сверяя с текстом Григоровича свои рассуждения¹.

Очерк Григоровича, написанный по законам физиологии натуральной школы, несомненно,

лишен какого бы то ни было «приукрашивания» действительности и выходит за рамки «дагерротипа» лишь в том, что В.В. Виноградов определил как «сентиментальность» – ярко выраженное сочувствие к персонажам. Однако, как кажется, безоговорочным причислением очерка Григоровича к жанру физиологии, поисками «общих мест» изучение произведения ограничиваться не должно. В свете интереса современного литературоведения к частным проблемам человеческого бытия привлекает внимание как собственно структура вещного мира «Петербургских шарманщиков», так и место в ней человека. Единство человека и вещи обозначено уже в названии профессии, выбранной автором для описания, – «шарманщик».

Образ шарманщика привлекал писателей и до Григоровича. В основе рассказа В.Ф. Одоевского «Шарманщик» (1841 г.), напечатанного в сборнике «Сказки дедушки Ирины», лежит действительно «сказочный» сюжет – сын уличного музыканта Ваня спасает от смерти найденного на улице ребенка, который по прошествии многих лет, разбогатев, спасает самого Ивана. Шарманщик выбран писателем как самый обездоленный представитель петербургских «низов» – именно